

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛЮБОВЬ,

или Не бывает социализма в одном отдельно взятом «Ленфильме»

Наш еженедельник решил взять «под колпак» процесс создания фильма Алексея Германа «Хрусталь, машину». Мы планируем рассказать читателям о разных моментах съемочного периода картины. Сейчас — стадия режиссерской разработки сценария, и наш собеседник, кинорежиссер Алексей Герман, известный своей несговорчивостью, неохотно идущий на контакт с прессой, хоть и устал, но на людей пока не кидается, настроен относительно миролюбиво. Наверняка в съемочной запарке вот так спокойно поговорить будет сложнее, но мы что-нибудь придумаем.

В бывшем парткабинете «Ленфильма», где расположилась съемочная

группа Алексея Юрьевича, стены оклеены фотографиями жирной московской жизни. Сытые, улыбающиеся лица. Изобилие в промтоварных и продовольственных магазинах: завалы мехов, тканей, костюмов, горы балыков, сыров, колбас, баррикады винных и водочных бутылок. На скромных карточках фешенебельные интерьеры московских квартир. Резная мебель, картины, ковры, хрусталь. Здесь и не пахнет коммуналками, здесь уютные кабинеты, мягкие спальни, огромные столовые, где с комфортом размещались 24 персоны. Не совки, не зеки, а значительные персоны в вечерних туалетах и новеньких мундирах.

Герман А.

— Мы снимаем фильм о сказочной московской жизни 53-го года. Она действительно потрясающе необыкновенна для тех, кто этой сказки был удостоен. Мой герой поначалу был. О дальнейшей его судьбе рассказывать не хочу.

— Насколько я понимаю, вы сами были удостоены этой сказочной жизни?

— Как считать. У нас было описание имущества, папа все время боялся, что вот-вот посадят, его исключали из Союза писателей. Он был оруженосцем космополитизма. Сначала был космополитом, но потом выяснилось, что не еврей, и его произвели в оруженосцы. Мне это слово очень нравилось, и я не понимал, почему мама так переживает. Если про это забыть, то мы жили неплохо. У нас были горничная, шофер и нянька. Хотя у одного известного писателя был лакей. Перед войной нашу небольшую семью обслуживали много людей — это при очень большом равенстве. Были то взлеты, то падения, то уничтожали, то сталинские премии вручали.

Я хочу воссоздать тот мир, который помню. И уж вовсе не хочу бить покойников. Это смешно. Хочу рассказать притчу, раскрыть сильные характеры — не заниматься разоблачением Сталина и Берии. Мне это не интересно. Я никогда этим не занимался. Хочу петь, как поется.

В фильме будут все этажи жизни. Почему Арагон, Фейхтвангер, Роллан, Сартр приезжали к нам, плакали и рыдали от восторга, восклицали про одухотворенные лица наших людей? Это время было весьма привлекательно. На наших снимках тысячи улыбок, сейчас подобрать такое количество фотоснимков с радостными лицами будет непросто. Естественно, это тенденциозный подбор. Других фотографий нам не найти. Но про них мы помним. Художнику неохота лаять тем же голосом, которым лает все телевидение, пресса. И все рвут рубашки, как они страдали. Мы ищем иной подход к эпохе, пытаемся ее по-другому объяснить. Время не состоит из мерзавцев и страдальцев. Трагедия не в том, что одни стояли на вышках, а другие за колючей проволокой, а в том, что их можно поменять местами, и этого никто бы не заметил.

— Вы достаточно давно не снимали и вдруг решились. Почему? Ведь были предложения и раньше, в том числе и закордонные.

— Есть разные типы художников. Одни любят заниматься искусством, другие не очень. Я — ненавижу. И

боюсь. Мне бы порекомендовать, молодым помочь и подсказать, сценарий со Светланой написать. Но вот возникает зуд — и начинаешь подумывать, прикидывать. Но не попадал. То эпоха меня обгоняла, то я в ней ничего не понимал. И все же большое значение имели французские продюсеры. Я вдруг почувствовал людей, которые не теоретически хотели, чтобы я снимал. А могли помочь и помогали реально. Они вроде бы в состоянии финансировать большую и сложную картину. Хотя поживем — увидим.

Я не снимал с 1985 года. Писал с женой сценарии. Создал мастерскую. Мы выпустили несколько приличных картин. Скажу о последних. Молодой режиссер Роза Орынбасарова по мотивам Куприна сняла хорошую ленту. Мне нравится «Улыбка» Сергея Попова, восхищает та свобода, с которой он управляет с профессионалом. Мы сделали первую и пока единственную мультпликацию на «Ленфильме». 30 минут уникальной работы Ирины Евтеевой. Мы даем молодым людям реализовываться. Есть еще две интересные работы, но вообще о всех этих картинах разговор должен быть подробный, а не между делом.

В работе мастерской (да и часть руководства студии) вижу некоторую надежду. Поскольку все происходящее в отечественном кино, все то, что принято называть «коммерциализацией», — взрыв массового идиотизма. Как сказали Ильф и Петров, кампания началась с перегибов. Какие-то безумные люди вкладывают деньги в кино — больше-то не во что. Снимает кто угодно и как угодно. «Ленфильм» производит ныне около 40 картин в год. Эти картины в большинстве нигде не идут и не приносят никакого дохода. Главные киностудии страны пока существуют, «сдавая своего кобеля в женихи». Отдают иностранцам павильоны. И берут процент.

Чем больший жлоб придет, тем выгоднее. Он платит кучу денег и снимает быстро. Непонятно, на что и зачем работающие люди растлеваются. Не видя результатов своего труда, не слыша отзывов, не испытывая счастья творческой удачи, не страдая от неудачи, не ведая о пользе, пусть минимальной, они теряют профессию. Идет потрясающее разращение отечественного кино.

Я тут недавно уволил одного сотрудника. Более счастливого существа я не видел. Ощущение, что вручил золотую звезду героя. Я ему: «Мотай ты отсюда побыстрее». А он улыбка так вроде жалобно. Ну я и предлагаю по доброте душевной, дескать, поработай, пока другое место подыщешь. А он: «Алексей Юрьевич, меня вполне устраивает первое предложение».

Вот так. И удивляться нечему. Ставки на моей картине маленькие. Студия денег почему-то не дает. А работа большая и трудная. И режиссер я требовательный, пока не решивший, что и как снимать. И мучающийся, и потому мучающий всех вокруг. Неудивительно, что для него счастьем было от меня сбежать.

Идет моральное и физическое разворовывание кино. Допустим, в Сосновой Поляне старые автомобили вроде бы делаются для нас. А оказывается, для Америки. Отправят их на выставку. Это важнее. И так на каждом шагу. Спираль раскручивается с немощной быстротой.

— Вы это заметили только сейчас?

— Когда ко мне приходили молодые режиссеры с жалобами, я считал: да, это твой крестный путь. Да, ты обязан пройти через все трудности. Да, ты будешь харкать кровью, как и я. Но это проблемы молодых. Я же, что называется, мастер. Имею право сидеть в кресле и говорить: «Это мне нравится, это не нравится». Но сейчас и я попал в положение начинающего режиссера. И, в общем, хорошо относящаяся ко мне студия воспринимает меня, как дождь. Понимают, дождь необходим, чтобы выросли злаки, но хорошо бы он побыстрее кончился и не был бы так мучителен для всех.

Я очень люблю свою студию. И если бы у меня ее не было, я бы просто сошел с ума. Заметьте, ведь были партизаны 41-го года, а были 44-го. Во время мятежа были люди, осознавшие ситуацию 19 августа, а были люди и 22-го. Наша студия поддерживала Ельцина, разослала обращение коллектива 19 августа в два часа дня.

— Этот трехдневный урок для страны и народа повлиял на будущий ход картины?

— Повлиял. Мы с моим соавтором Светланой Кармалитой сели и решили, что надо чуть-чуть менять кино. Мы задумали фильм про уродов и одного достойного человека. И, знаете, захотелось поприбавить достойных людей, какая-то другая эстетика лиц появилась. Хотя ощущение счастья и всеобщего братания постепенно уходит... О чем мы?

— Вновь о студии?

— Да. У меня ощущение, что огромное число людей, пришедших на студию, могло прийти в другое место. Рыбой торговать... И уйдут, как только здесь кончатся большие заработки. Я почти перестал слышать слово «искусство». Любые другие: рубли, древесина, доллары, гвозди, франки (сам их часто поминую), зарплата. Раньше мы все же отличались, а теперь кругом шустрят. Там больше платят, там еще больше, там еще. Впечатление, что вокруг тебя проносятся какие-то

мышы. Ш-ш-ш. Наше — и художественное, и административное — руководство должно понять, что этот механизм их же сжует и выплюнет на следующем этапе, если они не начнут что-то делать. Что? Сам не знаю. Даже не знаю, смогу ли я снимать. Всегда найдется молодец, который скажет: он бится, он скис.

— А страха нет?

— Безумный страх. Правда, выдающимся режиссером я уже побыл. Скажут, к старости у него атрофировались художнические инстинкты, и он снял плохую картину. А может, никто ничего не скажет. Не до того будет. В общем потоке ужаса, который нас окружает. Не бывает социализма в одном отдельном «Ленфильме». Разруха в стране, разруха на студии. Развал производственной базы — это очень плохо, но поправимо. Развал людей изнутри — необратим.

Всегда считал, что не должен проиграть ни на каком этапе работы. Ни на подборе группы, ни на сценарии, ни на режиссерской разработке, ни на костюмах — ни в чем. Мелочей в кино не бывает, оно по сути из них и состоит. И тогда я, может быть, сделаю кино. А «мне на плечи бросается вековолкодав». Вся организация страны и общества настроена на то, чтобы я проиграл. Хотя меня оберегает группа друзей. Считается, что я просто завишаю уровень требовательности. «Ну он совсем с ума сошел. Ему нужно, чтобы костюмы сшили. А где мы возьмем ткани? Ах, ему нужны кожаные пальто! Так ему же дали. Ага — дали».

Наконец-то я вновь встретился с жанами Андрея Миронова и Андрея Болтнева из «Лашина». А больше у меня ничего нет. Так что, если не хотите, чтобы я спалал «Ленфильм», помогите, если у кого что осталось из подлинных вещей пятидесятих годов, позвоните по телефону в Ленинграде: 238-60-38.

Обидно сознавать свою беспомощность и некредитоспособность. Особенно, когда деньги нужны на важный шаг в развитии киноискусства. Художник имеет право на неудачу. Имеет право высказаться о своем времени, особенно, если у него за плечами такие картины, как «Проверка на дорогах», «Двадцать дней без войны», «Мой друг Иван Лапшин». Только грустно, что фильм, который снимет Алексей Герман, будет считаться французским.

Борис МАЗО.